

1

Видно, они думают, что мне уже недолго осталось. Потому что сегодня ко мне допустили викария. Может, они и правы. Хотя для меня сегодня ничем не отличается от вчера. И завтра, скорее всего, будет примерно таким же. Викарий — нет, не *викарий*, его называют как-то по-другому, я забыла, — порядочно старше меня. Волосы у него седые, а кожа красная, словно воспаленная, и шелушится. Я не просила, чтобы его привели. Если когда-то во мне и теплилась какая-то вера, в Линтонсе ее испытали и сочли недостаточной. А до тех пор посещение церкви было для меня привычкой, рутинным ритуалом, вокруг которого выстраивалась наша с матерью неделя. Сейчас я здесь, в этом месте, и я все знаю о рутине и привычке. Я знаю, что они управляют и нашей жизнью, и нашей смертью.

Викарий, или как там он называется, сидит у моей кровати с книгой на коленях. Но вряд ли

читает: он слишком быстро перелистывает страницы. Видя, что я проснулась, он берет меня за руку. Я с удивлением обнаруживаю, что это утешает. Не помню, когда меня последний раз касались. Если не считать обтираний наскоро теплым влажным полотенцем или пробегающей по моим волосам расчески. Я имею в виду настоящее прикосновение. Когда оказываешься в чьих-то руках. Возможно, последним был Питер. Да, скорее всего, Питер. В августе ровно двадцать лет. Двадцать лет. Что еще делать здесь, в этом месте, кроме как отсчитывать время да вспоминать?

— Ну, как вы себя чувствуете, мисс Джеллико? — спрашивает викарий.

Не думаю, чтобы я сообщала ему свое имя. Я впитываю это «мисс», перекаत्याваю его у себя в голове, словно серебряный шар для игры в багатель¹, даю ему отскочить от одной булавки, от другой, пока он не упадет в центральную лузу: тогда звенит колокольчик. Я отлично понимаю, кто этот человек, от меня ускользает только его сан.

— Как по-вашему, куда я попаду? Потом, — выстреливаю я в него вопросом. Я старая пташка с характером. Хотя, может, не такая уж старая.

Он ерзает в кресле, словно у него зудит в штанах. Возможно, под одеждой его кожа тоже шелушится. Не хочу об этом думать.

1 Багатель – старинная разновидность бильярда, где шар отскакивает от воткнутых в игровое поле булавок. – *Здесь и далее прим. пер.*

— Ну, — начинает он, склоняясь над своей книгой, — это зависит... зависит от того, в чем вы...

— От того, в чем я?..

— От того, в чем вы...

То, где я потом окажусь, зависит от того, в чем я исповедуюсь, — вот что он хочет сказать. Рай или ад. Хотя вряд ли он верит, что эти места существуют на самом деле. Может, когда-то он в них и верил, но теперь — нет. И вообще, у нас с ним разные цели в этом разговоре. Я могла бы затянуть беседу, подразнить его. Но решаю пока отложить эту игру.

— Я имею в виду, — уточняю я, — где меня похоронят? Куда нас девают, когда мы в последний раз покидаем это место?

Он так и поникает от разочарования. Помолчав, спрашивает:

— Вы имеете в виду что-то конкретное? Я могу побеспокоиться, чтобы ваши пожелания передали куда следует. Хотите, чтобы я кому-то сообщил? Может быть, вы хотели бы, чтобы на службу пришли определенные люди?

Какое-то время я молчу, делая вид, что обдумываю его вопрос.

— Незачем нанимать толпу плакальщиков, — говорю я. — Вы, я да могильщик — этого будет достаточно.

На его лице появляется гримаса — смущения? неловкости? — потому что он понимает: я знаю, что он не настоящий викарий. Он нацепил высокий пасторский воротничок, чтобы ему разрешили посетить меня. Он и раньше просил, но я отказывала. Но теперь мы заговорили о могилах, и я думаю

о телах — о тех, которые под землей, и о тех, которые над. Вот мы с Карой загораем на конце пирса на озере близ Линтонса. Она в бикини, я никогда раньше не видела так много чужой кожи сразу. Я рискнула поднять свою шерстяную юбку выше колен. Кара дотронулась кончиками пальцев до моего лица и говорит, что я красивая. Мне тогда было тридцать девять, и еще никто никогда мне не говорил, что я красивая. Потом, когда Кара складывала скатерть, на которой мы загорали, и убирала свои сигареты, я склонилась над зеленой водой озера и с разочарованием увидела, что мое отражение не изменилось, я осталась такой же. Но в те летние дни, двадцать лет назад, я верила ей. Правда, недолго.

Потом приходят новые картинки, вытесняя одна другую. Махнув рукой на хронологию, я отдаюсь волнам памяти, они наслаиваются, сливаются. Мой последний взгляд в иудин глазок: я стою на коленях, подо мной голые доски моей чердачной ванной комнатки в Линтонсе, один глаз прижат к торчащей из пола трубке с линзой, другой прикрыт рукой, чтобы не мешал смотреть. Внизу в постепенно розовеющей ванне лежит тело, открытые глаза уставились вверх, на меня, и не мигают. Лужицы воды на полу. Влажные следы ног, уходящих прочь, уже подсыхают. Я — вуайеристка, я человек, который стоит у оградительной ленты, натянутой полицейскими, и наблюдает, как рушится чья-то чужая жизнь. Я из тех, кто притормаживает у места аварии, но не останавливается. Я — преступник, возвращающийся на место преступления. Я — одинокий плакальщик.

Иудин глазок. Я не знала этого выражения, пока не очутилась тут, в этом месте.

Давно это было? Сколько времени прошло с тех пор?

«Сколько?..» Видимо, я задала этот вопрос вслух, потому что ответ дает кто-то из Помощников. Нет, не *Помощников*. Как ее называют? Сидельница? Помогательница? Моя изнуряющая болезнь выедаёт не только плоть, она забирает все воспоминания о прошлой неделе, все имена и названия, про которые мне говорили час назад. Однако у нее хватает доброты оставить в неприкосновенности лето шестьдесят девятого.

— Сейчас одиннадцать сорок, — отвечает женщина.

Эта мне нравится. Кожа у нее цвета конского каштана, который я подобрала в конце сентября и обнаружила в кармане куртки в конце мая. Она добавляет погромче:

— Всего двадцать минут до обеда, миссис Джеллико.

Она произносит это так, словно я — какой-нибудь производитель пудингов: «Jelli Co.» «Пирог миссис Вагнер», «Кексы мистера Киплинга», а что остается делать миссис Джелли Ко? Вообще-то я никогда не была *миссис* Джеллико. Я не выходила замуж, и детей у меня нет. Только здесь, в этом месте, меня зовут «миссис». А вот викарий всегда обращается ко мне «мисс Джеллико», с самого первого раза, когда мы с ним встретились. Викарий! Тут я понимаю, что рука у меня пуста и что он ушел. Разве он прощался?

— Двадцать лет, — шепчу я.

Во мне шевелится воспоминание о том, как я впервые увидела Кару — бледную, длинноногую фею. Я слышу, как она кричит где-то снаружи, на каретном круге Линтонса. Перестав резать коврик в ванной, я пересекла узкий коридор и вошла в одну из пустых комнат напротив моей. Под чердачным окном выстланный свинцом желоб, идущий под углом к каменному парапету, забит гниющими листьями и оставшимися от древних голубиных гнезд прутиками и перьями. Далеко внизу на высохшем фонтане посреди каретного круга стояла Кара. Сначала я увидела ее волосы — темную массу плотных кудрей с пробором посередине, позволявшую разглядеть лишь узкую полоску молочно-белой кожи лица. Она что-то кричала по-итальянски. Я не понимала слов: из всего, что я знала, ближе всего к итальянскому были латинские названия растений, да и они сейчас почти выветрились у меня из памяти. Проверим-ка: *Cedrus... Cedrus... Cedrus libani*, кедр ливанский.

Голыми ступнями Кара балансировала на бедрах Купидона, уцепившись рукой за облачение каменной женщины, словно пытаюсь сорвать с нее этот наряд. В другой руке она держала пару плоских балетных туфель. Я поморщилась, представляя, какой ущерб она может нанести этому мрамору, и так уж испещренному отметинами и сколами. Я смутно надеялась, что фонтан мог быть изваян Кановой или кем-нибудь из его учеников, хотя и не успела как следует изучить эту штуку. На Каре было длинное трикотажное платье, и никакого

бюстгальтера под ним — даже с такого расстояния я это ясно видела. Солнце уже почти ушло за дом, и на ее тело падала тень, но голову, когда она откинулась назад, чтобы взглянуть вверх, озарило ярким светом. Казалось, я уже знаю эту незнакомку: горячая и обидчивая, зачаровывающая. Цветущий кактус.

Я решила, что она кричит, обращаясь ко мне, к моему чердаку. Я никогда не любила громких звуков, резких слов, всегда предпочитала тишину библиотеки, и в ту пору я не могла припомнить, чтобы кто-нибудь повышал на меня голос, даже мать, хотя теперь-то, конечно, дело обстоит иначе. Но прежде чем я успела что-то ответить (хотя понятия не имею, что я могла бы сказать), поднялось окно в одной из просторных комнат внизу, и какой-то мужчина высунулся наружу по плечи.

— Кара! — окликнул он девушку в фонтане, тем самым сообщая мне ее имя. — Не глупи. Подожди.

Голос у него был измученный.

Она снова что-то закричала, яростно жестикулируя и стискивая пальцы, откинула обеими руками волосы за спину, где они не захотели оставаться, и спрыгнула с фонтана в высокую траву. Она всегда была гибкая и ловкая. Потом она прошла к дому и скрылась из виду. Мужчина исчез внутри, и я слышала, как он бежит по пустым комнатам Линтонса, порождающим гулкое эхо, и представляла себе, как, отмечая его путь, поднимается и оседает пыль в углах. Из своего окна я увидела его, выскочившего из парадной двери на каретный круг, и Кару, которая спешила трусцой, толкая

перед собой велосипед по остаткам гравия, и на ходу надевала свои балетки. Добравшись до аллеи, она подобрала платье и оседлала велосипед, словно цирковой акробат скачущую лошадь: в ту пору я бы ничего такого не смогла, а теперь и подавно.

— Кара! — позвал мужчина. — Пожалуйста, не уезжай.

Мы — он и я — смотрели, как она катит, ловко огибая выбоины на липовой аллее. Уносясь от нас, она оторвала одну руку от руля и в ответ выставила два пальца. Сейчас, после всего, что случилось, трудно вспомнить, что именно чувствовала я во время этих промельков Кары. Вероятно, меня шокировал ее жест, но мне нравится думать, что при этом во мне бродило приятное ожидание моего собственного нового открытия себя, новых возможностей — и лета.

Мужчина прошел к восьмифутовой высоты воротам, проржавевшим и вечно открытым, и ударил ладонями по надписи «Линтонс 1806», вплетенной в их металлическую вязь. Его досада меня заинтриговала. Чему я стала свидетелем — окончанию их романа или простой размолвке влюбленных?

Я прикинула: мужчина примерно моего возраста, лет на десять старше Кары. Светлые волосы свешивались ему на лоб. Он двигался так, словно не мог вынести силы земного тяготения — или самого мира. Симпатичный, подумала я, хотя и потрепанный. Он сунул руки в карманы джинсов и, повернувшись к дому, посмотрел вверх, прямо на мое окно. Я имела полное право находиться там,

где находилась, но, сама не зная почему, отпрянула от окна и присела под подоконником.

* * *

Линтонс. Даже когда одно это слово возникает в голове у меня, на руках тут же поднимаются волоски — я словно кошка, увидевшая привидение. Но Палатная Сестра... нет, не то... новая белая женщина, которую я не узнаю, в белом пластиковом фартуке поверх формы замечает мой открытый рот и видит возможность запихнуть в него ложку разварившейся брокколи. Я плотно сжимаю губы, поворачиваю голову и позволяю явиться другому воспоминанию, более раннему.

Рукописная схема мистера Либермана: мешанина названий, стрелок, проселочных дорог. Английский ярмарочный городок, церковка, решетчатая ограда, чтобы скот не забредал куда не положено. С трудом выйдя из автобуса на остановке перед городком, я прошла назад, к узкой дороге, посреди которой росли пучки травы. На своем листке мистер Либерман написал: «Остановитесь здесь и полюбуйтесь видом» — рядом с безымянной дорогой, которая начиналась — как я теперь видела — у заброшенной сторожки. Правда, позже я узнала, что сам он никогда не бывал в Линтонсе. Вероятно, он предполагал, что я буду за рулем, но у меня не было прав, я никогда не училась водить и никогда не водила. Я опустила на землю оба чемодана и подумала, не оставить ли их под живой изгородью, чтобы потом за ними вернуться. В плаще

мне было жарко: я решила, что легче носить его на себе, чем нести его с собой. Стараясь перевести дух, я прислонилась к погнутой оgrade поместья.

В миле от меня, за вымахавшими насаждениями парковой зоны, на краю зеленого берега балансировал дом — Линтонс. Он простирался в тенистую глубину, но мне открывался вид на широкие каменные ступени, ведущие к величественному портику, где дневное солнце маслянисто блестело на восьми огромных колоннах, вставших в треугольный фронто́н. Передо мной предстал английский родич Парфенона. Слева солнце отражалось от стекол теплицы, обещанной письмом мистера Либермана, а позади строений земля резко поднималась, образуя лесистые уступы. В этой части страны нередко встречается такой рельеф: древний лес цепляется за крутые склоны холмов, извивающиеся на протяжении нескольких миль. Поблизости журчал ручей, бегущий через заливные луга, все в оспинах следов от коровьих копыт, исчезающая между нестриженными кустами и косматыми деревьями. Я заметила блеснувшее озеро и представила себе, не видя, то место, где воду должен пересекать мост. Меня приятно возбуждала мысль о том, какой это может быть мост, учитывая возраст и стиль первоначально выстроенного здесь дома и то, что я об этом доме читала. Но я никому об этом не говорила. Меня никто бы не стал слушать — во всяком случае, тогда.